Элла Раун

Гинеколог

Моя сладкая

зависимость

18+

Элла Раун

Гинеколог. Моя сладкая зависимость

«Автор»
2026

Раун Э.

Гинеколог. Моя сладкая зависимость / Э. Раун — «Автор», 2026

Я — топ-модель, привыкшая к восхищению. Мужчины сворачивают шеи, а я даже не оборачиваюсь. Я пришла к нему с обычной женской проблемой, ожидая скучного приема. Но когда его длинные пальцы коснулись меня, я забыла, как дышать.Он смотрел на меня не как на желанную женщину, а как на медицинскую карту. И именно это задело сильнее всего. Теперь я хочу, чтобы он потерял контроль. Чтобы его ледяная броня дала трещину. Я получу его. Даже если для этого придется лечь в его кресло снова. И снова.

© Раун Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Элла Раун
Гинеколог. Моя сладкая зависимость

Глава 1

Стеклянные двери клиники разъехались с тихим шипением, и я задержалась на пороге ровно на секунду, чтобы поправить темные очки. Инстинкт. Моё лицо знали. Его печатали на обложках глянца, его транслировали с рекламных щитов по всему городу. Сейчас мне хотелось провалиться сквозь мраморный пол.

Причиной визита была не новая форма бюста и не плановая контурная пластика, как можно было бы решить, глядя на мои бедра, обтянутые плотной тканью леггинсов. Причиной стала глупая, отвратительная боль внизу живота и задержка цикла. Я привыкла, что моё тело работает как часы, а тут вдруг сбой. Это пугало.

— Девушка, будьте добры снять очки, — голос за стойкой был вежлив, но непреклонен.

Я сняла их, встретившись взглядом с администратором в накрахмаленном белом халате.

— Алиса Вертинская. Запись к Гордееву.

Девушка на ресепшене замерла лишь на мгновение. Здесь к известным лицам привыкли, но я относилась к особому подвиду. Идеальные пропорции, осиная талия и копна платиновых волос, уложенных в небрежный, но сложный пучок. Мужчины обычно сворачивали шеи, когда я проходила мимо. Женщины завидовали. Я к этому привыкла. Это было частью профессии.

— Второй этаж, правое крыло, кабинет семнадцать. Доктор Гордеев не любит ждать.

Я направилась к лифту. Внутри поднималось привычное раздражение. Еще один врач, который считает себя важнее пациента. Я привыкла, что мир вращается вокруг моих желаний. Фотографы ждут, дизайнеры подстраиваются под настроение. А тут какой-то гинеколог.

Дверь кабинета с номером семнадцать оказалась массивной, из темного дерева, без таблички с именем. Я постучала.

— Войдите.

Голос из-за двери прозвучал низко, с хрипотцой, обволакивающей, как дым. У меня по спине пробежал холодок. Я люблю низкие мужские голоса. Они всегда действовали на меня особенным образом — сразу представляю, как этот голос звучит в темноте, у самого уха.

Я вошла. Вопреки ожиданиям, кабинет не напоминал стерильную операционную. Скорее уж кабинет адвоката или коллекционера антиквариата. Тяжелые шторы, приглушенный свет, старинный шкаф с медицинскими справочниками и стол, за которым сидел он.

Доктор Гордеев. Даниил Романович. Я слышала о нем от девушек с подиума. Золотые руки, ледяное сердце. К нему идут, когда надо исправить то, что натворили другие врачи, или когда болит по-настоящему. Еще говорили, что он красив той особенной, опасной красотой, от которой у пациенток подкашиваются ноги. Я тогда посмеялась. Зря.

Он поднял глаза. Не на мои ноги, не на вырез легкой куртки, под которой угадывалась грудь без лифчика. Строго в лицо. Взгляд тяжелый, оценивающий, но абсолютно лишенный мужского интереса. Это кольнуло сильнее, чем я ожидала. Я привыкла вызывать желание. Привыкла чувствовать, как мужские взгляды скользят по моему телу, задерживаясь на изгибах. А этот смотрел как на медицинскую карту. Как на задачу. И от этого внутри что-то странно сжалось. Захотелось, чтобы он посмотрел иначе.

— Вертинская. Садитесь.

Я опустилась в кресло для посетителей, обитое холодной кожей. Одернула край леггинсов, поправила волосы. Зачем-то.

— Здравствуйте.

— Возраст — двадцать три. Цикл нерегулярный. Последние два года трижды прибегали к гормональной коррекции ради показов. Употребляете ли вы мочегонные препараты для поддержания веса? Отвечайте честно.

Я опешила. Он даже не спросил, что меня беспокоит. Он уже знал всё, что написали в моей анкете, и спрашивал о том, о чем в бумагах не пишут.

— Да, — тихо ответила я, неожиданно для самой себя не соврав.

Он сделал пометку в карте. Я смотрела на его пальцы — длинные, с идеально обработанными ногтями. Пальцы, которые знают женское тело лучше, чем кто-либо. От этой мысли стало жарко. Я представила эти руки на себе. Не в медицинском смысле. В другом.

— Причина обращения?

— Боль. И... задержка.

— Исключили беременность?

— Исключила. Тест отрицательный.

Он отложил ручку и встал. Я ахнула про себя. Ростом он оказался значительно выше, чем казался сидящим. Широкие плечи, узкие бедра. Костюм сидел так безупречно, что выглядел второй кожей. Под пиджаком угадывалось сильное тело. Не перекачанное, как у фитнес-фанатиков, а сухое, жилистое, мужское. В паху сладко заныло.

— Проходите в смотровую зону. Одежду снять. Нижнее белье тоже. Располагайтесь на кресле.

Приказ. Не просьба, не реверанс. Он уже отошел к раковине мыть руки, потеряв ко мне интерес как к человеку.

Я прошла за ширму. Медленно стянула топ, чувствуя, как ткань скользит по соскам, которые вдруг стали твердыми. Леггинсы поползли вниз, обнажая бедра. Я осталась в белье — кружевном, дорогом, невесомом. Том самом, которое надевала для мужчин, чтобы они теряли голову. И вдруг почувствовала стыд. Не от наготы. От того, что это кружево выглядело здесь пошлым и неуместным. Поторопилась его снять.

Я легла, положив ноги на холодные держатели. Металл обжег кожу. Поза — унизительная, открытая. Я уставилась в потолок, считая трещинки в краске, и чувствовала, как между ног становится влажно. Не от геля. От предвкушения. От мысли, что сейчас его руки коснутся меня там.

Он вернулся. Надевал перчатки короткими, резкими хлопками. Его лицо было сосредоточенным и отстраненным.

— Расслабьте мышцы тазового дна.

— Я стараюсь.

— Не стараетесь. Вы напряжены. У вас профессиональная привычка втягивать живот и сжимать ягодицы перед объективом. Здесь объективов нет. Расслабьтесь. Сейчас.

Его прикосновение было клиническим, точным. Я закусила губу, стараясь не застонать. Он действовал быстро, но каждое движение отзывалось внутри волной жара. Его пальцы были там, где обычно бывают только любовники. И от того, что он оставался совершенно спокойным, мое возбуждение становилось только острее. Мне хотелось, чтобы он забыл о профессии. Хотелось увидеть в его глазах хоть искру желания.

— У вас было переохлаждение в последние дни? Съемки в холодном помещении, тонкая одежда?

— Да, — выдохнула я. — Снималась в купальнике. Там ужасно дуло.

— Понятно. Легкое воспаление. Классика для вашей профессии.

Он выпрямился, снял перчатки, бросил их в утилизатор. Звук резины прозвучал как точка.

— Одевайтесь.

Я села, чувствуя неприятную влажность от геля и собственную, совсем не медицинскую. Меня трясло. Я натянула одежду, ощущая, как ткань касается всё еще возбужденной плоти.

Вышла из-за ширмы.

— Что у меня?

— Ничего такого, что нельзя вылечить за неделю антибиотиками и двумя неделями воздержания. Половой покой обязателен.

Я усмехнулась. Две недели без секса. С моим-то аппетитом. С моей потребностью чувствовать мужскую силу.

— И отказ от съемок в открытой одежде на ближайший месяц.

— У меня контракт на показ за границей. Я не могу отменить месяц работы.

Он вернулся за стол, не глядя на меня.

— Вы спросили мое мнение. Я его озвучил. Ваше право — следовать ему или ехать на показ и через год вернуться ко мне с диагнозом, требующим серьезного вмешательства.

Я смотрела на его профиль — резкий, словно высеченный из гранита. Красивый, властный, неприступный. И внутри закипало не только раздражение, но и азарт. Охотничий инстинкт. Я хотела этого мужчину. Хотела, чтобы он потерял контроль. Хотела увидеть, как треснет эта ледяная броня.

— Выписываю схему. Контрольный осмотр через две недели. И еще, Вертинская, — он впервые посмотрел на меня иначе, с каким-то металлическим блеском в серых глазах. — В следующий раз наденьте простое хлопковое белье. От синтетики и кружева у вас раздражение слизистой.

Я взяла рецепт, чувствуя, как горят щеки. Он заметил кружево на стуле. Он его оценил, пусть и по-своему.

— До свидания, доктор.

— До встречи, Вертинская.

Я вышла в коридор и только там позволила себе выдохнуть. Прислонилась спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле. Между ног всё еще пульсировало.

Две недели до следующего приема. Две недели полового покоя. Он сказал это так, будто не сомневался, что я нарушу. Или будто проверял.

В зеркале лифта отражалась идеальная женщина с горящими глазами. Я улыбнулась своему отражению.

Доктор Гордеев еще не знает, с кем связался.

Глава 2

Две недели превратились в пытку.

Я принимала антибиотики строго по часам, запивая их водой без газа, и с каждым днем чувствовала, как боль уходит, уступая место чему-то другому. Чему-то, что не имело отношения к воспалению. Это другое поселилось где-то внизу живота и напоминало о себе каждый раз, когда я закрывала глаза.

Перед сном я вспоминала его руки. Длинные пальцы, скользнувшие внутрь меня с клинической точностью. Вспоминала его голос — низкий, с хрипотцой, приказывающий расслабиться. И самое поганое — я не могла ничего с этим сделать. Половой покой. Две недели без мужчин. Без разрядки.

На пятый день я попыталась снять напряжение сама. Заперлась в ванной, включила воду, закрыла глаза. Пальцы скользнули вниз, но тело не отзывалось. Совсем. Я открыла глаза и долго смотрела на свое отражение в запотевшем зеркале. Со мной такого никогда не было. Я всегда легко получала удовольствие — с мужчинами или без. А теперь мое тело будто взбунтовалось.

Что со мной происходит? Я никогда не зацикливалась на мужчинах. Они были приятным дополнением к жизни, способом получить разрядку и двигаться дальше. А этот врач, который даже не взглянул на меня как на женщину, засел в голове как заноза.

На восьмой день я получила сообщение с напоминанием о приеме. Завтра, пятнадцать ноль-ноль, кабинет семнадцать. Сердце пропустило удар.

Я подошла к шкафу. Что надеть? Кружевное белье он запретил. Я усмехнулась, вспоминая его слова о раздражении слизистой. Выбрала самое простое хлопковое белье, какое только нашлось. Белое, без кружев, почти детское. Узкие джинсы и свободный свитер, под которым грудь двигалась совершенно свободно. Никакого лифчика.

На следующий день я приехала за пятнадцать минут до назначенного времени. Поднялась на второй этаж, пошла по коридору. У двери кабинета остановилась, перевела дыхание и постучала.

— Войдите.

Тот же голос. Низкий, обволакивающий. Я толкнула дверь.

Он сидел за столом в той же позе, что и в прошлый раз. Темный костюм, идеально сидящий по широким плечам. Холодные серые глаза поднялись на меня и замерли. На долю секунды дольше, чем в прошлый раз. Его взгляд скользнул по моей груди под свитером и вернулся к лицу.

— Вертинская. Садитесь.

Я опустилась в кожаное кресло. Щеки горели.

— Здравствуйте, доктор.

— Как самочувствие?

— Боль прошла.

— Антибиотики принимали по схеме?

— Да. Строго по часам.

Он кивнул и сделал пометку в карте. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, ровные ногти — и чувствовала, как внутри снова разгорается жар.

— Половой покой соблюдали?

Вопрос прозвучал буднично, как будто он спрашивал о погоде. Я подняла глаза. В его взгляде что-то изменилось. Искорки. Он ждал ответа.

— Соблюдала, — голос прозвучал тише, чем я хотела.

— Хорошо. Проходите в смотровую. Одежду снять. Располагайтесь.

Я встала и пошла за ширму. Раздевалась медленно. Стянула свитер через голову — прохладный воздух коснулся обнаженной груди, соски моментально затвердели. Наклонилась, чтобы снять джинсы, и замерла, услышав его шаги. Он не ушел мыть руки. Он стоял там, за тонкой перегородкой, и ждал.

Я осталась в простом хлопковом белье. Никаких кружев. Только тонкая ткань, под которой угадывалось всё. Вышла из-за ширмы.

Он смотрел. Впервые смотрел не как врач. Его взгляд прошелся по моей груди, опустился к животу, задержался на линии белья. Кадык дрогнул.

— На кресло, — голос стал ниже.

Я не двинулась. Стояла и смотрела на него. Воздух между нами накалился.

— Вертинская, вы меня слышали?

— Слышала. Но я не хочу на кресло.

Он сделал шаг ко мне. Пространство сжалось, стало тесным.

— Что ты хочешь? — спросил он, и в его голосе больше не было врачебного спокойствия. Только низкий, опасный звук.

— Вас.

Он схватил меня за горло. Не сильно, но достаточно, чтобы я почувствовала его силу. Прижал к стене рядом со смотровым креслом. Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Глаза горели.

— Ты понимаешь, что делаешь?

— Понимаю.

— Нет. Не понимаешь. Я не нежный. Я не буду шептать тебе ласковые слова. Я возьму тебя так, что ты не сможешь сидеть. И мне будет всё равно, понравится тебе это или нет.

У меня перехватило дыхание. Внизу живота стало горячо и влажно.

— Докажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.